

(Окончание. Начало на стр.8-9)

Тяжкий путь...

ТОВАРИЩИ МОИ

Сентябрь 1945 года.

*"Мир наступит, землю согревая,
Унося артиллерийский дым...
Все, что мы сейчас переживаем,
Мы воспоминаньям отдадим"...
Михаил Светлов.*

Скреплена подписями представителей союзных держав последняя во Второй мировой войне капитуляция. Пока мы, фронтовые кинооператоры, снимали оставленные войной следы в Токио и его окрестностях, один из нашей группы – Михаил Прудников отснял еще дымящиеся руины и жертвы Хиросимы. Судьба оказала ему особое милосердие, и радиация миновала его.

Калейдоскоп последних событий, уходя в прошлое, еще кружил голову, и воспоминания нагромождались одно на другое, навсегда оставаясь в памяти. Следы, шрамы на обожженной земле и в сердцах миллионов людей. Шрамы Сталинграда, Хиросимы, которым не суждено зарости никогда. Никогда в истории...

Мы летим домой, под нами руины огромного Токио, в стороне сверкает на солнце вечными льдами священная у японцев Фудзияма. Непривычное спокойствие овладело нами. До дома далеко – впереди Владивосток, а до Москвы добрых девять тысяч километров. Есть время подумать, вспомнить, осмыслить и прошлое, и настоящее.

Как жить? С чего начинать?

Теперь, когда войны больше нет, особенно хочется оглянуться на пройденное, вернуться назад и подытожить, осмыслить прожитое. Под нами, как на карте, проплывает Сибирь, мирная, нетронутая войной. Мы летим над Сибирью многие часы, и нет ей конца, а мысли вновь возвращают меня в Севастополь, и вижу его я чистым, светлым. Неразрушенным. Я как бы заново просматриваю фильмы, в создании которых принимал участие.

– "Героический Севастополь", "День войны", "Черноморцы", "Битва за Кавказ", "Битва за Севастополь", "В логове зверя", "Померания", "Разгром Японии". Это этапы пройденного мной по войне пути – малая часть труда нашего "цеха": двухсот пятидесяти фронтовых кинооператоров, из которых каждый пятый остался на поле боя – рядом с солдатом. Я помню их всех. Они были моими товарищами. Героические страницы вписаны в историю не только снятыми ими кадрами, но и самой их жизнью, ее последним мгновением. В присланной на студию коробке со снятой киноплёнкой, оператор Николай Быков писал: "В Бреслау во время съемки уличного боя был убит оператор Володя Сушинский осколком снаряда. На поле боя снять его я не мог, был ранен этим же снарядом".

Через несколько дней прислал на студию снятую пленку оператор М. Арабов с аннотацией к снятому материалу. Среди перечисленных эпизодов такой: "Перебегающий с кинокамерой Николай Быков. Убитый Быков, около него камера".

Не прошло и несколько дней, как пришло извещение – М.Арабов погиб в бою.

При съемке форсирования канала Донау в Вене под густым огнем от разрыва мины погиб оператор Семен Стояновский. Смертельно раненый, он повторял: "Аппарат! Сохраните аппарат! Не засветите пленку! Передайте в штаб!" – За себя он не тревожился.

У белорусских партизан погибла в неравном бою оператор Мария Сухова. В Таллинской операции погибли на корабле оператор Павел Лампрехт и его ассистент Анатолий Знаменский – первые погибшие в самом начале войны. За три дня до конца войны погиб у югославских партизан Владимир Муромцев. Его пробил насквозь танковый снаряд.

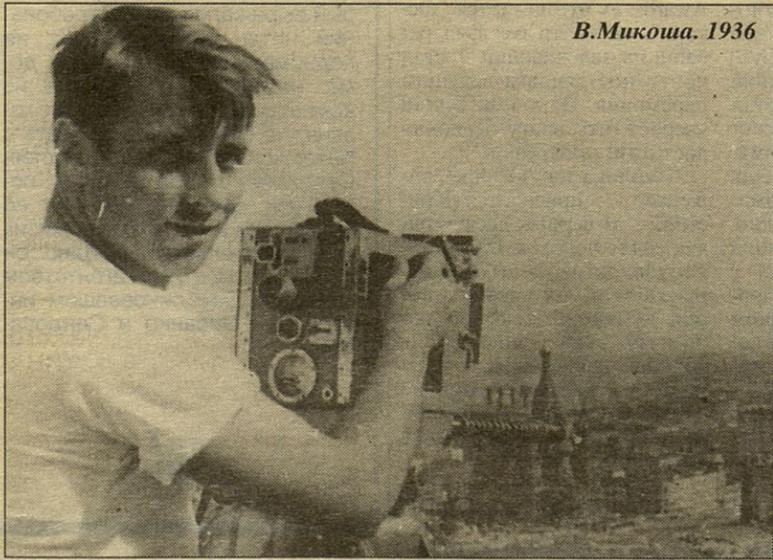
Всех невозможно перечислить – это отдельная книга о подвиге кинооператоров, стоявших во время войны рядом с солдатом, товарищей моих, чьим оружием была лишь кинокамера, которую они сжимали в руках до последней секунды – как винтовку.

Я иду по дороге памяти... Разве могли мы, фронтовые операторы, снимая ужасы войны и радости победы, представить себе, что пройдет несколько десятков лет, и оставленные нами, запечатленные мгновения войны день за днем – три с лишним миллиона метров отснятой киноплёнки, как "машина времени", дадут возможность не только нам, всем, живущим на земле, вернуть историю назад – к любому из этапов войны, но и далеким потомкам нашим взглянуть на события, которые так далеко остались позади, и сделать правильный вывод, единственный – никогда больше это не должно повториться.

Пройдет не один десяток лет, прежде чем я и мои сверстники – участники этой войны, поймем, что это был наш звездный час. Этот парадокс, наверное, трудно осознать тем, кто не пережил войну, и предвоенное время, и послевоенное. Мы не только жили те четыре года на пределе своих возможностей – и физических, и нравственных и духовных, но мы еще уважали себя, чувствовали, что судьба страны зависит от нас – от каждого в отдельности. Может быть, это было заблуждением, но это было прекрасное заблуждение, которое помогало не только выстоять каждому, но и помогло выстоять стране.

Трудности восстановления нас не путали, потому что мы осознали и свою ответственность, и свои силы.

Мы возвращались домой в надежде, что жизнь будет прекрасная и светлая.

В.Микоша. 1936